

Захемски Л. Роль фольклора в эпических произведениях К. Иванова-Прта / Л. Захемски // Вопросы поэтики К. Иванова : материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта, 21-22 мая 1990 г. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары, 1991. — С. 32-38.

г. Будапешт
Венгерская Республика

ЛАСЛО ЗАХЕМСКИ

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИВАНОВА-ПРТА

Литература каждого народа уходит корнями к устному народному творчеству. Не избежал благотворного влияния фольклора и классик чувашской поэзии Константин Иванов-Прта. Глубокое влияние устной народной поэзии проявлялось в тематике, композиции, поэтическом языке, в звуковом оформлении его поэм. Знаменитый поэт, однако, не просто заимствовал традиционные элементы чувашского фольклора, а был новатором. Вполне справедливо отметил исследователь И. Тукташ: «Образцы народного творчества он вводил не в готовом виде, без всяких изменений, а обновляя их, придавая им новую эмоциональную силу, пронизывая социальными идеями и мотивами, заостряя это».

В настоящем своем докладе я намерен затронуть лишь некоторые проблемы применения элементов устного поэтического творчества в поэмах К. Иванова-Прта. В этом плане мной рассматриваются композиция, поэтический язык и та сторона тематики его произведений, которая представляет нам миропонимание сельских чувашей начала XX века.

Разнообразное и многокрасочное влияние устного народного творчества проявляется в композиции произведений Иванова-Прта. Композиционными элементами считаются традиционные присказки и концовки сказок, народные песни, мотивы народных сказок, описания. Традиционная чувашская присказка лаконично указывает на место действия и на главные действующие лица сказок. В роли присказки и концовки часто используются определенные, ритмическим образом организованные фразы. Самые распространенные из них встречаются и у Иванова-Прта:

Юмах юпа тӑрринче
Хам урхамах сӑйӑнче.
(«Тӑлӑх арӑм» — Вдова)

Сказка на столбе,
Сам я на крылатом коне.

Юмах юман тӑрринче,
Халлап хапха тӑрринче.
(«Высӑ аптранӑскерсем» — Голодные)

Сказка на дубе,
Легенда на воротах

В «Железной мялке» традиционная присказка заменяется локализованным прологом. Его функция состоит в обращении внимания читателя на то, что будет рассказано о случае, происшедшем в деревне поэта:

Пирён ялта пёр карчак
Пуранатчĕ ёлĕкрех

В нашей деревне старушка
Жила-была когда-то

Этот прием характерен для особого фольклорного слоя — анекдота, находящегося на рубеже устного поэтического творчества и профессиональной литературы. Он может рассматриваться как первый шаг к описанию, не имеющему места в устном фольклоре.

В художественную канву своих произведений Иванов-Прта часто вставляет народные песни и обрядовый фольклор как в дословном, так и стилизованном виде. В поэме «Нарспи», например, находим много вставных частей, функцией которых является усиление эмоционального влияния произведения. Отчасти они являются оригинальными чувашскими народными песнями. Автор использует их с небольшими изменениями.

На свадьбе Нарспи веселые гости поют песню, которая знакома Иванову из сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен...»

Мёншĕн шăппăн ларатăр,
Мёншĕн шăппăн ларатăр?
Шăппăн-шăппăн лармашкăн
Шăпчăк чĕппи мар эпир!

Отчего вы так притихли?
Не сидеть же молча нам.
Мы уже не соловьята,
А подстать и соловьям!

Шăппăн-шăппăн лармашкăн
Шăпчăк чĕппи мар эпир;
Хайи-хайми тăмашкăн
Хăюсăр сынсем мар эпир.

Чтобы молча нам сидеть,
Мы уже не соловьята.
Чтобы тихоней стоять,
Не без гордости же мы.

В других случаях из мотивов народной лирики Иванов сам сочиняет строки, напоминающие народные песни. Таково, например, благопожелание на свадьбе Нарспи:

Сывă пулчăр, пур пулчăр,
Ача-пăчалла пулчăр,
Ыру-тату пуранчăр,
Усал сăмах ан илтĕр.

Пусть живут в довольстве, здравье
Да детишек народят;
Пусть молва и не охает,
И во всем пусть будет лад.

Повествовательная часть народных сказок содержит в себе, как правило, описание событий и поступков героев, но избегает подробного представления окружения, детализации внешности действующих лиц, более глубокого мотивирования происшествий. Иванов-Прта, наоборот, уделяет большое внимание кропотливому и тонкому изображению окружающей среды. В «Железной мялке» он с большой подробностью показывает дом и домашнее убранство старушки, а в заключительной картине главную улицу современной ему чувашской деревни, в балладе

«Вдова» живописует сельских тружениц-чувашек, работающих на полях. В поэме «Нарспи» описание становится уже существенным композиционным элементом. Природную картину, с которой обычно открываются произведения устного народного творчества, в начале поэмы Иванов развертывает в многокрасочную широкую панораму деревни Сильби и весеннего пейзажа. Реалистическими чертами изображает он хозяйство Мигедера (2-я глава), убогую избушку знахаря (5-я глава), сельскохозяйственные работы на полях (11-я глава), избу Сетнера и скромный ужин молодых возлюбленных (13-я глава), красоту и величие мира (6-я, 10-я, 12-я глава).

Вместо шаблонного, неподвижного изображения действующих лиц в народных сказках поэт наделяет своих героев индивидуальными чертами. В «Железной мялке» всего несколькими штрихами он образно представляет нам фигуру мельника:

Авӑ пырать пӑр этем,
Арман хуҫи урампа,
Шур сухалӑ ик хӑлаҫ,
Курпунӑ те икӑ пӑт.
Туйи ҫине таянӑ,
Хӑй кӑвакал пек утат.

А вот идет один человек,
По улице,— мельник,
Седая борода — с две сажени,
Да и горбун с два пуда.
Опирается на клюку,
А идет сам, точно утка.

Особо образцовым примером индивидуализации является портрет Нарспи, при изображении которой поэт пользуется приемом параллелизма.

Ешӑл курӑк хушшинче
Сап-сарӑ чечек ӱсет,
Аслӑ Силпи ялӑнче
Нарспи ятлӑ хӑр ӱсет.
Пичӑ-куҫӑ пит хуҫӑм,
Хирти сарӑ чечек пек.
Икӑ куҫӑ хуп-хура,
Икӑ хура шӑрҫа пек.

Средь свежей зелени трав
Ярче яркого цветок цветет,
А в большом селе Сильби,
Растет девица с именем Нарспи.
Лицом она совершеннее совершенного
Как цветочек полевой.
Очи ее чернее черного,
Как две черные бусины.

Хирти сарӑ чечеке
Ашӑ куҫпа кам пӑхмӑ
Ун пек хитре лайӑх хӑре
Мӑнле качӑӑ юратмӑ?

На цветочек полевой
Кто приветливо не взглянет?
Столь же прелестная красотой девица
Какому же парню не приглянется?
(Подстрочный перевод)

Героиню поэмы К. Иванов сравнивает с красивым цветком. Первоначальное значение слова *сарӑ* — это «желтое, блеклое», однако, значение выражения *сарӑ хӑр*, столь часто употребляемого в устном фольклоре, не просто светловолосая, белокурая девушка, а в переносном смысле красная, то есть красивая девушка. Таким образом, и сарӑ чечек воспринимается не просто как желтый цветок, а как красивый цветок, и трехкратным повтором поэт подчеркивает то, что здесь речь идет не столь о конкретном цвете какого-то конкретного растения, а скорее о целомудрии и нравственной чистоте, красоте и обаянии молодой девушки.

Иванов использует также излюбленный прием чувашского фольклора — психологический параллелизм, причем сочетает его с вышеупомянутым приемом — троекратным повтором. Психологический параллелизм состоит из двух частей — двустиший. В первом двустишии обычно описываются предметы из растительного или животного мира, или может быть какое-либо явление природы; во втором двустишии, соотносительно описанному в первой части, дается состояние чувств и переживаний человека.

Хирте ака айёнце
Серем лап-лап касáлать;
Усал хуйхá-суйхáран
Нарспи чунё сурáлать.

Хирти сáва айёнце
Кура́к вáш-ваш йáванать;
Усал хуйхá-суйхáран
Нарспи пусё усáнать.

Куллен-кунах тёнчене
Хёвел хёртнёсем хёртет;
Хуйхá-суйхá кунран-кун
Нарспи чёрине сьет.

Уж соха в широком поле
Землю режет на куски.
У Нарспи же в злой неволе
Сердце рвется от тоски.

Под косою на ранней зорьке
Наземь валится трава.
У Нарспи с кручины горькой
Опустилась голова.

Что ни день, то все щедрее
Солнце жар на землю льет,
Что ни день, то сердце злее
У Нарспи тоска грызет.
(Перевод Б. Ирнинина)

При использовании элементов устного народного творчества Иванов не всегда сохраняет их внешнюю языковую оболочку. В драматических ситуациях динамику эмоций героев поэт сопоставляет с состоянием природы, однако так подробно, что пейзаж получит столь подчеркнутую роль, которой он не имеет в устном народном творчестве. Подробно, пластично описывает поэт старый дуб (*ват юман*), темный лес (*хура вáрман, сём вáрман*) — популярные поэтические образы устного фольклора чувашей, проживающих в лесах, а изображение леса в полном согласии с бурными эмоциями Нарспи и Сетнера. При изображении леса поэт в основном пользуется приемом психологического параллелизма, однако для более глубокого раскрытия человеческой души он значительно расширяет картину, причем делает ее выразителем нового эстетического качества — психологического изображения.

Уже из указанных примеров стало ясно, что лексико-фразеологический словарь Иванова-Прта имеет подчеркнuto фольклорный характер. Он питается из двух источников:

1. Многие лексические элементы устного поэтического творчества используются Ивановым в неизменном виде. Такими можно считать: а) постоянные эпитеты — *сут хёвел* — яркое солнце, *сут тёнче* — светлый мир, *симёс тукмак* — зеленая дубина, *хура юн* — черная кровь, *сарá ыраш* — золотистая рожь («Тáлáх арáм» — Вдова), *чипер ача* — красавец, *хура пёлёт* — черная туча, *хура вáрман* (Нарспи); б) олицетворения — *ыраш хумханать* — рожь колыхается («Тáлáх арáм»); *хёвел тухнá* —

солнце взошло, хёвел ларнă — солнце зашло — и т. д. и т. п. (Нарспи); в) *figurae etimologicae* — юрлать юррине — поет песню (Тимёр тылă — Железная мялка); г) топики — *çитмёл тинёс леш енча* — за 70 морями, *утмал тинёс уттинче* — за 60 островами (Нарспи); д) пословицы — *кёлрён вутă тăвас çук* — из золы не сделать дров, *чăн сăмахăн суйи çук* — в верном слове нет обмана (Нарспи).

В основе образа Нарспи, делающей прилежно вышивки, лежит загадка:

Сӳс хӳреллӗ хурçа йӳтӑ
Пӗр кӗрет те пӗр тухать.

Стальная собака с хвостом кудельным
То нырнет, то вверх взлетит.

2. Иванов-Прта и сам создает такие конструкции, которые по своей сжатости и словесному материалу носят фольклорный характер. Например: *кăтра пуçлă çемелсем* — стога с кудрявой головой, *çил вылят* — ветер играет, *хёвел саванать* — солнце ликует, *тёттём каçё куç çинче* — темная ночь на глазу («Тăлăх арăм» — Вдова); *тёнче хёпёртет* — мир ликует (Нарспи).

Все эписческие произведения Иванова, хотя и не в одинаковой мере, являются верным отражением тогдашней действительности. Их реалистический колорит усиливает то, что поэт использует элементы фольклора, содержащие мирозерцание крестьянского общества Поволжья на рубеже XIX—XX вв., в первую очередь народные традиции, обычаи и верования. Хотя в это время чувашаи уже перешли в православную веру, новая вера еще не привилась. В повседневной деревенской жизни все еще большую роль играли древние традиции. Новые православные церковные праздники совпадали со старыми языческими праздниками, и они были проведены по старым обычаям. Например, свадьба Нарспи и Тахтамана происходит во время *çимёка*. *Çимёк* начался в среду до Троицы и продолжался до следующей среды. Первоначально он был праздником, посвященным памяти умерших предков, вообще в это время справляли свадьбы. Свадебные обычаи тоже отражают влияние старой веры. На свадьбе Нарспи парни перестегивают все ворота, чтобы выгнать из домов злых духов. Старый весенний праздник был «*çинçe*», когда было запрещено работать на полях. Полевые работы, как это можем читать в «Нарспи», начались после *çимёка*; крестьяне в это время зарезали лошадь, жеребенка, теленка или барана, приготовили из их мяса суп; так они приносили жертву духу полей.

В сознании людей еще жили элементы древней шаманской веры. В деревнях имел довольно большой авторитет знахарь (юмăç) — преемник тюркского шамана. Мать Сетнера тоже обращается к нему за советом и помощью (Нарспи, 5-я глава). Знахарь, прежде чем обращаться к богу, надевает на себя шубу, шапку берет под мышку — принимает позу для языческого моления. Перед ногами кладет резак, так как он дол-

жен огордить себя предметом с магической силой. Такая же магическая сила придается юсману — лепешке, сделанной из пшеничной муки без закваски, и намазанной маслом. Чегесь тоже это бросит на дорогу, чтоб остановить железную мялку. Нарспи, когда варит отравленный суп злому Тахтаману, заклиняет духа старухи Шабдан. Имя старухи Шабдан часто употребляется в заклинаниях от злых духов. Как и все чувашские знахари, она тоже плюя и дую, произносит волшебные слова, чтобы выгнать колдовство. Среди представителей старого языческого мифа мы видим пюлеха, раздающего людям хорошую или плохую судьбу (к нему обращается во «Вдове» и мать, чтоб узнать судьбу своих сыновей, сражающихся на поле битвы, у него хочет узнать судьбу Сетнера знахарь из «Нарспи») или *йёрёх* — дух, посылающий болезни, *Хярпан*, от которого отсылают конечности людей (о них говорит отец Нарспи, Мигедер).

На почве уходящего языческого мифа растут разные суеверия. По чувашскому народному верованию — кто ослепнет, тот станет ведьмой. Злая старушка из «Железной мялки» тоже ослепла, когда черт бросил в ее глаза отходы от конопли. Слепота — символ странной, сверхъестественной силы: знахарь из «Нарспи» тоже слепой. В лесах живут злые лешие (*арсури*), пугающие людей своим свистом. При беге Нарспи они тоже бесчинствуют в лесу. В водах живут разные злые водяные. В «Железной мялке» мельник жалуется на то, что мельницу, где ночевала Чегесь, ночью испортили злые духи.

В произведении Иванова-Прта — не считая фрагмента трагедии «Раб дьявола» — нет никаких следов христианского мироощущения. В этом фрагменте есть только образы ангела и черта, которые хотят влиять на человека, собирающегося убить своего брата. Но в этих образах скорее всего можно видеть, с одной стороны, доброго духа древней чувашской веры (*Пирёшти*), — с другой стороны — заимствованного от мусульман арабского шайтана. Герои Иванова носят старые языческие имена (Нарспи, Мигедер, Сетнер, Сентти, Тахтаман). Поэт сам происходит из башкирских чувашей, среди которых многие еще в XIX веке живо хранили свою старую веру. Само собою разумеется, что в их круге интенсивнее жили эти древние традиции.

Надо еще несколько слов сказать о некоторых компонентах изображенного Ивановым-Прта миропонимания, присутствие которых хорошо показывает культурную однородность народов Поволжья, живших долгие века при идентичных исторически-экономических условиях. Чуваша, попавшие в круг угро-финских народов Поволжья, приняли много элементов из местной угро-финской культуры. Из самых древних мифических слоев происходит, например, «остров 77 морей» (в волшебных поговорах), который символизирует вселенную и принят чувашами из древнего угро-финского мирозерцания. Водяные тоже угро-

финского происхождения. Но вариант имени старухи Шабадан (*аша патман*) мусульманского происхождения и был создан по контаминации имен жены и дочери Мохамеда, Айши и Фатимы. Влияние культуры Казанского ханства выражается и в том, что до принятия христианства у чувашей праздником считалась пятница. (Родителей Нарспи хоронят в деревне в пятницу, когда никто не работает). Имя языческих мольбищ и духа местности — киремет — тоже заимствовано от мусульманских татар. Исламское влияние все-таки почти не изменяло мирозерцание, составленное из древних тюркских и угрофинских элементов.

Влияние постоянного общения с татарами и башкирами скорее всего выразилось в том, что вопреки обращению в христианство, в сознании чувашей прочно жили дальше древние общие тюркские элементы миропонимания.